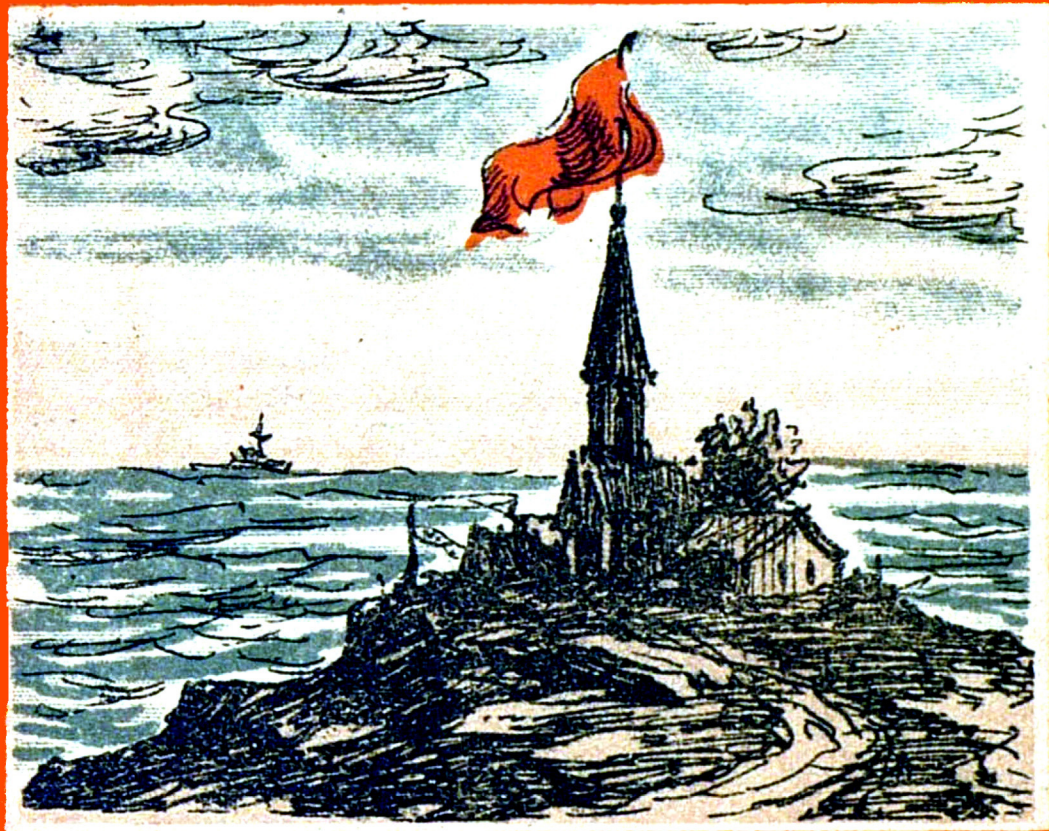

Книга за Книгоу

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ФЛАГ

Детиз. 1946

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

Ф Л А Г

Рисунки Б. Винокурова

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1946 Ленинград*

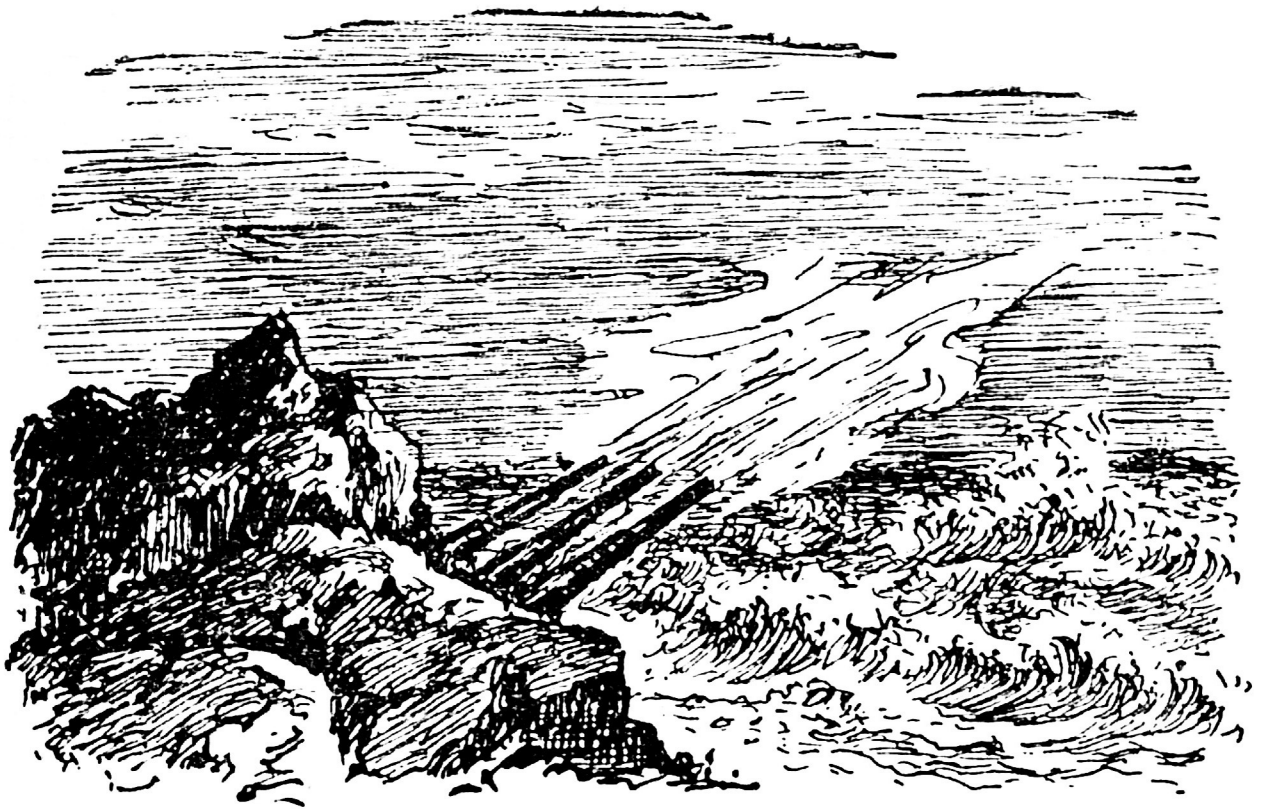
В. П. КАТАЕВ

Писатель Валентин Петрович Катаев родился в 1897 году в Одессе. Картины детства писателя, природа и быт родного города, его славные революционные традиции — все это нашло яркое поэтическое воплощение в повести Катаева «Белеет парус одинокий» — одном из лучших произведений советской детской литературы.

В юности Катаев был участником первой мировой войны. Был ранен, контужен и отравлен газами. Печататься начал тридцать лет назад. Широко известны его произведения: роман «Время, вперед!», повести «Белеет парус одинокий», «Я — сын трудового народа», «Сын полка» и другие.

В 1939 году Валентин Катаев был награжден орденом Ленина. В 1946 году за повесть «Сын полка» (ранее получившую первую премию на конкурсе детских книг) ему присуждена Сталинская премия.

В этой книжке напечатаны два военных рассказа Катаева: «Флаг» и «Сон».

ФЛАГ

Несколько шиферных крыш виднелось в глубине острова. Над ними подымался узкий треугольник кирхи с черным прямым крестом, врезанным в пасмурное небо.

Безлюдным казался каменистый берег. Море на сотни миль вокруг казалось пустынным. Но это было не так.

Иногда далеко в море показывался слабый силуэт военного корабля или транспорта. И в ту же минуту бесшумно и легко, как во сне, как в сказке, отходила в сторону одна из гранитных глыб, открывая пещеру. Снизу в пещере плавно поднимались три дальнобойных орудия. Они поднимались выше уровня моря, выдвигались вперед и останавливались. Три ствола чудовищной длины сами

собой поворачивались, следуя за неприятельским кораблем, как за магнитом. На толстых стальных срезах, в концентрических желобках блестело тугое зеленое масло.

В казематах, выдолбленных глубоко в скале, помещались небольшой гарнизон форта и все его хозяйство. В тесной нише, отделенной от кубрика фанерной перегородкой, жили начальник гарнизона форта и его комиссар.

Они сидели на койках, вделанных в стену. Их разделял столик. На столике горела электрическая лампочка. Она отражалась беглыми молниями в диске вентилятора. Сухой ветер шевелил ведомости. Карандашик катался по карте, разбитой на квадраты. Это была карта моря. Только что командиру доложили, что в квадрате номер восемь замечен вражеский эсминец. Командир кивнул головой.

Простыни слепящего оранжевого огня вылетели из орудий. Три залпа подряд потрясли воду и камень. Воздух туго ударил в уши. С шумом чугунного шара, пущенного по мрамору, снаряды уходили один за другим вдаль. А через несколько мгновений эхо принесло по воде весть о том, что они разорвались.

Командир и комиссар молча смотрели друг на друга. Все было понятно без слов: остров со всех сторон обложен; коммуникации порваны; больше месяца горсточка храбрецов защищает осажденный форт от непрерывных атак с моря и воздуха; бомбы с яростным постоянством бьют в скалы; торпедные катеры и десантные шлюпки шныряют вокруг; враг хочет взять остров штурмом. Но гранитные скалы стоят непоколебимо; тогда враг отступает далеко в море; собравшись с силами и перестроившись, он снова бросается на штурм; он ищет слабое место и не находит его.

Но время шло. Боеприпасов и продовольствия становилось все меньше. Погребов пустели. Часами командир и комиссар просиживали над ведомостями. Они комбинировали, сокращали. Они пытались оттянуть страшную минуту. Но развязка приближалась. И вот она наступила.

— Ну? — сказал наконец комиссар.

— Вот тебе и ну, — сказал командир. — Всё.

— Тогда пиши.

Командир не торопясь открыл вахтенный журнал, посмотрел на часы и записал аккуратным почерком: «20 октября. Сегодня с утра вели огонь из всех орудий. В 17 часов 45 минут произведен последний залп. Снарядов больше нет. Запас продовольствия на одни сутки».

Он закрыл журнал — эту толстую бухгалтерскую книгу, прошнурованную и скрепленную сургучной печатью, — подержал его некоторое время на ладони, как бы определяя его вес, и положил на полку.

— Такие-то дела, комиссар, — сказал он без улыбки.

В дверь постучали.

— Войдите.

Дежурный в глянцеvitом плаще, с которого текла вода, вошел в комнату. Он положил на стол небольшой алюминиевый цилиндр.

— Вымпел?

— Точно.

— Кем сброшен?

— Немецким истребителем.

Командир отвинтил крышку, засунул в цилиндр два пальца и вытащил бумагу, свернутую трубкой. Он прочитал ее и нахмурился. На пергаментном листике крупным, очень разборчивым почерком зелеными ализариновыми чернилами было написано следующее:

«Господин командантий советски форт и батареи. Вы есть окружени зовсех старон. Вы не имеете больше боевых припаси и продукты. Во избегания напрасни кровопролити предлагаю Вам капитулирование. Условия: весь гарнизон форта завместно командантий и командиры оставляют батареи форта полный сохранность и порядок и без оружия идут на площадь возле кирхе — там сдаваться. Ровно 6.00 часов по среднеевропейски время на вершина

кирхе должен быть белы флаг. За это я обещаю вам подарить жизнь. Противни случай смерть. Здавайтесь.

Командир немецки десант контр-адмирал
Фон-Эвершарп».

Командир протянул условия капитуляции комиссару. Комиссар прочел и сказал дежурному:

— Хорошо. Идите.

Дежурный вышел.

— Они хотят видеть флаг на кирхе, — сказал командир задумчиво.

— Да, — сказал комиссар.

— Они его увидят, — сказал командир, надевая шинель. — Большой флаг на кирхе. Как ты думаешь, комиссар, они заметят его? Надо, чтоб они его непременно заметили. Надо, чтоб он был как можно больше. Мы успеем?

— У нас есть время, — сказал комиссар, отыскивая фуражку. — Впереди ночь. Мы не опоздаем. Мы успеем его сшить. Ребята поработают. Он будет громадный. За это я тебе ручаюсь.

Они обнялись и поцеловались в губы, командир и комиссар. Они поцеловались крепко, по-мужски, чувствуя на губах вкус обветренной, горькой кожи. Они поцеловались первый раз в жизни. Они торопились. Они знали, что времени для этого больше никогда не будет.

Комиссар вошел в кубрик и приподнял с тумбочки бюст Ленина. Он вытащил из-под него плюшевую малиновую салфетку. Затем он встал на табурет и снял со стены кумачевую полосу с лозунгом.

Всю ночь гарнизон форта шил флаг, громадный флаг, который едва помещался на полу кубрика. Его шили большими матросскими иголками и суровыми матросскими нитками из кусков самой разнообразной материи, из всего, что нашлось подходящего в матросских сундучках.

Незадолго до рассвета флаг размером по крайней мере в шесть простынь был готов.

Тогда моряки в последний раз побрились, надели чистые рубахи и один за другим, с автоматами на шее и карманами, набитыми патронами, стали выходить по трапу вверх.

На рассвете в каюту фон-Эвершарпа постучался вахтенный начальник. Фон-Эвершарп не спал. Он лежал одетый на койке. Он подошел к туалетному столу, посмотрел на себя в зеркало, вытер одеколоном мешки под глазами. Лишь после этого он разрешил вахтенному начальнику войти. Вахтенный начальник был взволнован. Он с трудом сдерживал дыханье, поднимая для приветствия руку.

— Флаг на кирхе? — отрывисто спросил фон-Эвершарп, играя витой, слоновой кости, рукояткой кинжала.

— Так точно. Они сдаются.

— Хорошо, — сказал фон-Эвершарп. — Вы принесли мне превосходную весть. Я вас не забуду. Отлично. Свистать всех наверх.

Через минуту он стоял, расставив ноги, на боевой рубке. Только что рассвело. Это был темный, ветреный рассвет поздней осени. В бинокль фон-Эвершарп увидел на горизонте маленький гранитный остров. Он лежал среди серого, некрасивого моря. Угловатые волны с диким образом повторяли форму прибрежных скал. Море казалось высеченным из гранита.

Над силуэтом рыбацкого поселка подымался узкий треугольник кирхи с черным прямым крестом, врезанным в пасмурное небо. Большой флаг развевался на шпигеле. В утренних сумерках он был совсем темный, почти черный.

— Бедняги, — сказал фон-Эвершарп, — им, вероятно, пришлось отдать все свои простыни, чтобы сшить такой большой белый флаг. Ничего не поделаешь. Капитуляция имеет свои неудобства.

Он отдал приказ.

Флотилия десантных шлюпок и торпедных катеров направилась к острову. Остров вырос, приближался. Те-

перь уже простым глазом можно было рассмотреть кучку моряков, стоявших на площади возле кирхи.

В этот миг показалось малиновое солнце. Оно повисло между небом и водой, верхним краем уйдя в длинную дымчатую тучу, а нижним касаясь зубчатого моря. Угрюмый свет озарил остров. Флаг на кирхе стал красным, как раскаленное железо.

— Чорт возьми, это красиво, — сказал фон-Эвершарп. — Солнце хорошо подшутило над большевиками. Оно выкрасило белый флаг в красный цвет. Но сейчас мы опять заставим его побледнеть.

Ветер гнал крупную зыбь. Волны били в скалы. Отражая удары, скалы звенели, как бронза. Тонкий звон дрожал в воздухе, насыщенном водяной пылью. Волны отступали в море, обнажая мокрые валуны. Собравшись с силами и перестроившись, они снова бросались на приступ. Они искали слабое место. Они врывались в узкие извилистые промоины. Они просачивались в глубокие трещины. Вода булькала, стеклянно журчала, шипела. И вдруг, со всего маху ударившись в незримую преграду, с пушечным выстрелом вылетала обратно, взрываясь целым гейзером кипящей розовой пыли.

Десантные шлюпки выбросились на берег. По грудь в пенистой воде, держа над головой автоматы, прыгая по валунам, скользя, падая и снова подымаясь, бежали немцы к форту. Вот они уже на скале. Вот они уже спускаются в открытые люки батарей.

Фон-Эвершарп стоял, вцепившись пальцами в поручни боевой рубки. Он не отрывал глаз от берега. Он был восхищен. Его лицо подергивали судороги.

— Вперед, мальчики, вперед!

И вдруг подземный взрыв чудовищной силы потряс остров. Из люков полетели вверх окровавленные клочья одежды и человеческого тела. Скалы напоззали одна на другую, раскалывались. Их корежило, поднимало на поверхность из глубины, из недр острова, и с поверхности

спихивало в открывшиеся провалы, где грудями обожженного металла лежали механизмы взорванных орудий.

Морщина землетрясения прошла по острову.

— Они взрывают батареи! — крикнул фон-Эвершарп. — Они нарушили условия капитуляции! Мерзавцы!

В эту минуту солнце медленно вошло в тучу. Туча поглотила его. Красный свет, мрачно озарявший остров и море, померк. Все вокруг стало монотонного гранитного цвета. Все — кроме флага на кирхе. Фон-Эвершарп подумал, что он сходит с ума. Вопреки всем законам физики, громадный флаг на кирхе продолжал оставаться красным. На сером фоне пейзажа его цвет стал еще интенсивней. Он резал глаза. Тогда фон-Эвершарп понял все. Флаг никогда не был белым. Он всегда был красным. Он не мог быть иным. Фон-Эвершарп забыл, с кем он воюет. Это не был оптический обман. Не солнце обмануло фон-Эвершарпа. Он обманул сам себя.

Фон-Эвершарп отдал новое приказание.

Эскадрильи бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей поднялись в воздух. Торпедные катеры, эсминцы и десантные шлюпки со всех сторон ринулись на остров. По мокрым скалам карабкались новые цепи десантников. Парашютисты падали на крыши рыбацкого поселка, как тюльпаны. Взрывы рвали воздух в клочья.

И посреди этого ада, окопавшись под контрфорсами кирхи, тридцать советских моряков выставили свои автоматы и пулеметы на все четыре стороны света — на юг, на восток, на север и на запад. Никто из них в этот страшный последний час не думал о жизни. Вопрос о жизни был решен. Они знали, что умрут. Но, умирая, они хотели уничтожить как можно больше врагов. В этом состояла боевая задача. И они выполнили ее до конца. Они стреляли точно и аккуратно. Ни один выстрел не пропал даром. Ни одна граната не была брошена зря. Сотни немецких трупов лежали на подступах к кирхе.

Но силы были слишком неравны.

Осыпаемые осколками кирпича и штукатурки, выбитыми разрывными пулями из стен кирхи, с лицами, черными от копоти, залитыми потом и кровью, затыкая раны ватой, вырванной из подкладки бушлатов, тридцать советских моряков падали один за другим, продолжая стрелять до последнего вдоха.

Над ними развевался громадный красный флаг, сшитый большими матросскими иголками и суровыми матросскими нитками из кусков самой разнообразной красной материи, из всего, что нашлось подходящего в матросских сундучках. Он был сшит из заветных шелковых платочков, из красных косынок, шерстяных малиновых шарфов, розовых кисетов, из пунцовых одеял, маек, даже трусов. Алый колленкорový переплет первого тома «Истории гражданской войны» и два портрета — Ленина и Сталина, вышитых гладью на вишневом атласе, подарок куйбышевских девушек — были вшиты в эту огненную мозаику.

На головокружительной высоте, среди движущихся туч, он развевался, струился, горел, как будто незримый великан-знаменосец стремительно нес его сквозь дым сражения вперед, к победе.

С О Н

Сон есть треть человеческой жизни. Однако наукой до сих пор не установлено, что такое сон. В старом энциклопедическом словаре было написано:

«Относительно ближайшей причины наступления этого состояния можно высказать только предположения».

Я готов был закрыть толстый том, так как больше ничего положительного о сне не нашел. Но в это время я заметил в соседней колонке несколько прелестных строчек, посвященных сну:

«Сон искусством аллегорически изображается в виде человеческой фигуры с крыльями бабочки за плечами и маковым цветком в руке».

Наивная, но прекрасная метафора тронула мое воображение.

Мне хочется рассказать один поразительный случай сна, достойный сохраниться в истории.

Тридцатого июля 1919 года расстроенные части Красной Армии очистили Царицын и начали отступать на север. Отступление это продолжалось сорок пять дней. Единственной боеспособной силой, находившейся в распоряжении командования, был корпус Семена Михайловича Буденного в количестве пяти с половиной тысяч сабель. По сравнению с силами неприятеля количество это казалось ничтожным.

Однако, выполняя боевой приказ, Буденный прикрывал тыл отступающей армии, принимая на себя все удары противника. Можно сказать, это был один бой, растянувшийся на десятки дней и ночей. Во время коротких передышек нельзя было ни поесть как следует, ни заснуть, ни умыться, ни расседлать коней.

Лето стояло необычайно знойное. Бои происходили на сравнительно узком пространстве — между Волгой и Доном. Однако бойцы нередко по целым суткам оставались без воды. Боевая обстановка не позволяла отклониться от принятого направления и потерять хотя бы полчаса для того, чтобы отойти на несколько верст к колодцам.

Вода была дороже хлеба. Время — дороже воды.

Однажды, в начале отступления, им пришлось в течение трех суток выдержать двадцать атак.

Двадцать! В непрерывных атаках бойцы сорвали голос. Рубясь, они не в состоянии были извлечь из пересохшего горла ни одного звука.

Страшная картина: кавалерийская атака, схватка, рубка, поднятые сабли, исковерканные, облитые грязным потом лица — и ни одного звука...

Вскоре к мукам жажды, немоты, голода и зноя прибавилась еще новая — мука борьбы с непреодолимым сном.

Ординарец, прискакавший в пыли с донесением, свалился с седла и заснул у ног своей лошади.

Атака кончилась. Бойцы едва держались в седлах. Не было больше никакой возможности бороться со сном.

Наступал вечер. Сон заводил глаза. Веки были как намагниченные. Глаза засыпали. Сердце, налитое кровью, тяжелой и неподвижной, как ртуть, затихало медленно, и вместе с ним останавливались и вдруг падали отяжелевшие руки, разжимались пальцы, мотались головы, съезжали на лоб фуражки.

Полуобморочная синева летней ночи медленно опускалась на пять с половиной тысяч бойцов, качающихся в седлах, как маятники. Командиры полков подъехали к Буденному. Они ждали распоряжения.

— Спать всем, — сказал Буденный, нажимая на слово «всем». — Приказываю всем отдыхать.

— Товарищ начальник... А как же... А сторожевые охранения?.. А заставы?..

— Всем, всем...

— А кто же?.. Товарищ начальник, а кто же будет...

— Буду я, — сказал Буденный, отворачивая левый рукав и поднося к глазам часы на черном кожаном браслете.

Он мельком взглянул на циферблат, начинавший уже светиться в наступающих сумерках дымным фосфором цифр и стрелок.

— Всем спать, всем без исключения, всему корпусу! — весело повышая голос, сказал он. — Дается ровно двести сорок минут на отдых.

Он не сказал: четыре часа. Четыре часа — это было слишком мало. Он сказал: двести сорок минут. Он дал максимум того, что мог дать в такой обстановке.

— И ни о чем больше не беспокойтесь, — прибавил он. — Я буду охранять бойцов. Лично. На свою ответственность. Двести сорок минут и ни секунды больше. Сигнал к подъему — стреляю из револьвера.

Он похлопал по ящичку маузера, который всегда висел у него на бедре, и осторожно тронул шпорой потемневший от пота бок своего рыжего донского коня Казбека.

Один человек охранял сон целого корпуса. И этот один человек — командир корпуса. Чудовищное нарушение воинского устава. Но другого выхода не было. Один — за всех, а все — за одного. Таков железный закон революции.

Пять с половиной тысяч бойцов, как один, повалились в роскошную траву балки.

У некоторых еще хватило сил расседлать и стреножить коней, после чего они заснули, положив седла под голову.

Остальные упали к ногам нерасседланных лошадей и, не выпуская из рук поводьев, погрузились в сон, похожий на внезапную смерть. Эта балка, усеянная спящими, имела вид поля битвы, в которой погибли все.

Буденный медленно поехал вокруг лагеря. За ним следовал его ординарец, семнадцатилетний Гриша Ковалев. Этот смуглый мальчишка еле держался в седле; он клевал носом, делая страшные усилия поднять голову, тяжелую, как свинцовая бульба.

Так они ездили вокруг лагеря, круг за кругом, командир корпуса и его ординарец — два бодрствующих среди пяти с половиной тысяч спящих.

В ту пору Семен Михайлович был значительно моложе, чем теперь. Он был сух, скуласт, очень черен, с густыми и длинными усами на почти оранжевом от загара, чернобровом крестьянском лице. Объезжая лагерь, он иногда, при свете взошедшей луны, узнавал своих бойцов и, узнавая их, усмехался в усы нежной усмешкой отца, наклонившегося над люлькой спящего сына.

Вот Гриша Вальдман, рыжеусый гигант, навзничь упавший в траву, как дуб, пораженный молнией, с седлом под запрокинутой головой и с маузером в пудовом кулаке, разжать который невозможно даже во сне. Его грудь широка и вместительна, как ящик. Она поднята к звездам и ровно подымается и опускается, в такт богатырскому храпу, от которого качается вокруг бурьян. Другая богатырская рука прикрыла теплую землю — поди попробуй, отними у Гриши Вальдмана эту землю!

Вот спит, как убитый, Иван Беленький, донской казак, с чубом на глазах, и под боком у него не острая казачья шашка, а меч, старинный громадный меч, реквизированный в доме помещика, любителя старинного оружия. Сотни лет висел тот меч без дела на персидском ковре дворянского кабинета. А теперь забрал его себе донской казак Иван Беленький, наточил как следует быть и орудует им в боях против белых. Ни у кого во всем корпусе нет таких длинных и сильных рук, как у Ивана Беленького. И был такой случай. Пошел как-то Иван Беленький в богатый хутор за фуражом для своей лошади. Просит продать сена. Хозяйка говорит:

— Нету. Одна копна только и осталась.

— Да мне немного, — говорит жалобно Иван Беленький, — мне только коняку своего покормить, одну только охапочку.

— Ну что же, — говорит хозяйка, — одну охапочку, пожалуй, возьми.

— Спасибо, хозяйка.

Подошел Иван Беленький, донской казак, к копне сена да взял ее всю в одну охапку. Ахнула хозяйка: сроду не видала она таких длинных рук. Однако делать нечего. А Иван Беленький крикнул и понес копну к себе в лагерь. Что с ним по дороге случилось, неизвестно, только вдруг прибегает он без сена в лагерь ни жив ни мертв. Руки трясутся, зуб на зуб не попадает. Ничего сказать не может...

— Что с тобой, Ваня?

— Ох... и не спрашивайте! До того я перепугался... ну его к чорту!..

Остолбенели и бойцы: что же это за штука такая, если самый неустрашимый боец, Ваня Беленький, испугался?..

А он стоит и притти в себя не может.

— Ну его к чорту!.. Напугал меня проклятый дезинтер, чтобы ему сгореть на том свете!

— Да что такое? Кто такой?

— Да говорю ж — дезинтер... Как я взял тое прокля-

тое сено, чтоб оно сгорело, как понес, а оно в середине как затрепыхается... туды его в душу, дезинтер проклятый!

Оказалось, в сене прятался дезертир. Его вместе с копной и понес Иван Беленький. По дороге дезертир затрепыхался в сене, как мышь, выскочил и чуть досмерти не напугал неустрашимого бойца Беленького.

Ну и смеху было!

И опять нежно и мужественно усмехнулся Буденный, осторожно проезжая над головой бойца своего Ивана Беленького, над его острым мечом, зеркально отразившим полную голубую луну.

Шла ночь. Передвигались над головой звездные часы степной ночи. Скоро время будить бойцов.

Вдруг Казбек остановился и поднял уши. Буденный прислушался. Буденный поправил свою защитную фуражку, подпаленную с одного бока огнями походных костров.

По верху балки пробиралось несколько всадников. Одна за другой их тени закрывали луну. Буденный замер. Всадники спустились в лагерь. Ехавший впереди остановил коня и нагнулся к одному из бойцов, который, немного не доспав до положенного срока, уже переобувался перед сумрачно рдеющим костром.

У всадника в руке была папироса. Он хотел прикурить.

— Эй, — сказал всадник, — какой станицы? Подай огня!

— А ты кто такой?

— Не видишь?

Всадник наклонил к бойцу плечо. Полковничий погон блеснул при свете луны.

Все ясно. Офицерский разъезд наехал впотьмах на красноармейскую стоянку и принял ее за своих. Значит, белые близко. Терять время нечего. Буденный осторожно выехал из темноты и поднял маузер. В предрассветной тишине хлопнул выстрел. Полковник упал. Бойцы вскочили. Офицерский разъезд был схвачен.

— По коням! — закричал Буденный.

Через минуту пять с половиной тысяч бойцов уже были верхом. А еще через минуту вдали, в первых лучах степного роистого солнца, встала пыль приближавшейся кавалерии белых.

Семен Михайлович приказал разворачиваться. Заговорили три батареи четвертого конно-артиллерийского дивизиона.

Начался бой.

...Вспоминая об этом эпизоде, Семен Михайлович сказал однажды, задумчиво улыбаясь:

— Да. Пять с половиной тысяч бойцов, как один человек, спали вповалку на земле. Вот стоял храп так храп! Аж бурьян качался от храпу!

Он прищурился на карту, висевшую на стене, и с особенным удовольствием повторил:

— Аж бурьян качался!

Мы сидели в кабинете Буденного в Реввоенсовете. За окном шел деловитый московский снежок.

Я представил себе замечательную картину. Степь. Ночь. Луна. Спящий лагерь. Буденный на своем Казбеке. И за ним, в приступе неодолимого сна, трясется чубатый смуглый мальчишка с пучком вялого мака за ухом и с бабочкой, заснувшей на пыльном горячем плече.

СОДЕРЖАНИЕ

Флаг	3
Сон	12

Для среднего и старшего возраста.

Ответств. редактор *К. Пискунов*. Художеств. редактор *С. Садомская*.
Технич. редактор *И. Румянцева*. Корректоры *Е. Балабан* и
Р. Лишина. Подписано к печати 17/IX 1946 г. 5/8 п. л. (1,1 уч.-изд. л.).
Тираж 75 000 экз. А10924. Заказ № 2940. Цена 80 коп.

Фабрика детской книги. Москва, Суцевский вал, 49.

Цена 80 коп.

**БИБЛИОТЕЧКА ДЛЯ ДЕТЕЙ
СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА**

на 1946 год:

- В. Маяковский** — Владимир Ильич Ленин.
Э. Багрицкий — Дума про Опанаса.
П. Бажов — Голубая змейка.
А. Гайдар — Пусть светит.
С. Голубов — Дядя Ипат и Чайка.
В. Гроссман — Сын комиссара.
Б. Житков — Дяденька.
В. Инбер — Стихи.
Л. Кассиль — Огнеопасный груз.
В. Катаев — Флаг.
С. Ковпак — В Кремле.
А. Кожевников — У Каменной Гривы.
М. Пришвин — Дедушкин валенок.
А. Сурков — Песня смелых.
Р. Фраерман — Подвиг в майскую ночь

и другие произведения
советских писателей.